

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ГЕРМАНИИ ПО ВОПРОСУ РАСШИРЕНИЯ НАТО В 1990-е гг.

В статье анализируются противоречия в позициях Германии и России по вопросу расширения НАТО на восток. С помощью инструментов дипломатии ФРГ сумела обеспечить положительное решение этого вопроса, тем самым реализовав свои национальные интересы. Выявлено, что ослабление влияния Москвы позволило Германии встать на путь фактического игнорирования интересов России в сфере региональной безопасности.

Ключевые слова: Россия, Германия, НАТО, расширение альянса на восток, безопасность, зона стабильности, дипломатия, интересы.

Одной из серьезных проблем, препятствующих диалогу между Россией и Западом в начале постбиполярной эпохи, стал курс Североатлантического альянса на расширение путем включения в свой состав бывших социалистических стран Европы.

Данный процесс, запущенный в середине 1990-х гг., явился следствием двух взаимосвязанных тенденций: возникновения в регионе Центральной и Восточной Европы (далее ЦВЕ) после распада Советского Союза геополитического вакуума силы, который спешил заполнить собой Североатлантический блок, а также формирования единого евро-атлантического пространства безопасности, отражавшего один из аспектов глобализации.

К числу активных сторонников расширения альянса принадлежала Германия. Достигнув единства, она подтвердила свои стратегические приоритеты, прежде всего выбор западного пути развития. В этом контексте власти ФРГ рассматривали НАТО в качестве центрального форума, связывающего с политической точки зрения Европу с государствами Северной Америки, а также решающего инструмента фиксации веса США в Европе и вместе с тем предпосылки политической стабильности на континенте. Что касается идеологического момента, то первый федеральный канцлер объединенной Германии Г. Коль был склонен видеть в Североатлантическом альянсе «не столько военную силу, а скорее общность наций, исповедующих совместные ценности человеческого достоинства, господства права, свободы и демократии» [1, с. 129].

Однако функционал НАТО германские власти предпочитали определять с прагматической точки зрения, вытекающей из анализа наиболее значимых внешних угроз, которые больше не ограничивались региональными рамками ввиду технического прогресса, все возрастающего распространения оружия массового уничтожения, военных средств доставки.

Другой функцией альянса становилось обеспечение эффективного взаимодействия США со странами Европы в сфере политики безопасности, что Германия рассматривала в качестве основной предпосылки региональной стабильности. Здесь вызов ле-

* © Егоров А.И., 2011

Егоров Александр Игоревич (dr.egoroff-al2012@yandex.ru), кафедра общественных наук Дзержинского политехнического института Нижегородского государственного технического университета, 606029, Российская Федерация, г. Дзержинск, ул. Гайдара, 49.

жал в упрочении трансатлантического связующего звена в условиях снижения роли военного фактора в глобальном масштабе, характерного для начала постбиполярной эпохи.

Руководство ФРГ проявило заметный интерес к расширению альянса, обусловленный пониманием как евро-атлантических, так и специфических немецких интересов.

Что касается первого аспекта, то включение в НАТО новых стран сулило повышение веса и авторитета блока, способствовавшее укреплению его позиций по обе стороны Атлантики. Юридической гарантией безопасности новоиспеченных членов альянса от вызовов всех уровней становилась ст. 5 Североатлантического договора, предусматривавшая коллективную оборону от агрессора.

В рамках второго направления укреплялись геополитические позиции ФРГ, получившей возможность продвижения своих интересов в странах ЦВЕ. Благодаря расширению НАТО на восток Германии было удобнее регулировать отношения с Польшей и Чехией, а также осуществлять дипломатическую деятельность в рамках «четырёхугольника напряженности» Берлин – Варшава – Москва – Киев.

В конечном счете альянс увеличивал пространство, где контролировал все потенциальные угрозы безопасности, что на языке натовских дипломатов именовалось «расширением зоны стабильности».

В этом пространстве Берлин не ставил под сомнение безусловное доминирование американского союзника, однако германские позиции были выгодными для наращивания своего влияния. Благодаря объединению ФРГ расширила свою ресурсную базу, заняв лидирующие позиции среди стран Западной Европы по численности населения, а также утвердившись на третьем месте в мире по производству ВВП (после США и Японии). В 1990-е гг. ей удалось воспользоваться шансами, предоставленными дальнейшей интенсификацией процессов углубления международного разделения труда. Будучи сверхиндустриальной державой, ФРГ захватила прочные позиции в производстве готовой продукции, активно осваивая рынки стран ЦВЕ.

Осенью 1994 г. вопросы расширения блока НАТО на восток были переведены в практическую плоскость. Это вызвало предсказуемо отрицательную реакцию Москвы. Военная машина альянса была готова двинуться к границам России, увеличивая контролируемое Западом геополитическое пространство.

Учитывая ограниченность своей ресурсной базы, российское руководство стремилось дипломатическими средствами воздействовать на ситуацию в нужном для себя направлении. Однако шаги Кремля во многом носили декларативный характер и напоминали скорее хаотичные действия, чем продуманную линию поведения. Москва демонстративно отказалась подписать индивидуальную программу сотрудничества с НАТО, что планировалось сделать в декабре 1994 г. По сути, речь шла о превентивном характере действий со стороны России. Подписание партнерского соглашения фактически означало согласие с расширением НАТО и открывало альянсу виды на новых членов после краткого подготовительного этапа.

К этому моменту стало очевидно, что надежды России на трансформацию НАТО в сугубо политический союз не оправдались. Несмотря на сокращение военного потенциала альянса, мысль его стратегов была ориентирована в пользу безусловного использования силовых ресурсов для решения проблем безопасности. Так, одобренная в 1994 г. на брюссельской встрече глав государств и правительств стран – членов НАТО концепция «многосторонних оперативных сил» предполагала образование мобильных многофункциональных силовых подразделений, объединяющих формирования всех родов войск, и предусматривала совместное участие национальных вооруженных сил членов блока в антикризисных операциях.

Мероприятия по отработке средств и методов «кризисного реагирования» стали неотъемлемой частью других инициатив, предпринятых в рамках трансформации альянса, в частности программы «Партнерство ради мира» (далее ПРМ).

Теряя влияние в странах ЦВЕ, Россия была вынуждена отказаться от линии саботажа ПРМ, и 31 марта 1995 г. в Нордвейке (Нидерланды) во время специальной встречи по программе «Партнерство ради мира» одобрила индивидуальную программу сотрудничества с НАТО.

В самом альянсе тем временем обострялась борьба между сторонниками мягкой и жесткой позиций в отношении России. Ответственные политики альянса старались по мере возможности учесть позицию Москвы, понимая, что компромиссные решения способны подтолкнуть Россию к выбору между стратегией эволюционного восстановления статуса великой державы, потенциально способной к соперничеству с Западом, и прагматичным сотрудничеством с Североатлантическим альянсом в пользу последнего.

Для успеха данной политической линии требовалась активная деятельность Германии, которая, с одной стороны, пользовалась авторитетом у Москвы, а с другой — однозначно стояла на страже интересов Североатлантического блока. В таком случае немецкая сторона становилась проводником интересов НАТО, но не в грубом, открытом виде, а более тонким способом.

В этом контексте можно говорить о германской миссии, состоявшей в том, чтобы, используя рычаги влияния на Москву, переубедить ее, доказав, что расширение альянса не противоречит национальным интересам России. Эту сложную задачу предполагалось решать постепенно, используя совокупность средств воздействия, в первую очередь политические инструменты.

По дипломатическим каналам немецкая сторона активно снабжала Москву информацией, свидетельствующей о ее понимании озабоченности со стороны России предполагаемым расширением НАТО. Германия считала необходимым подтвердить принципиальную готовность альянса к установлению с Москвой отношений, основанных на взаимности, обоюдном внимании и доверии. Для начала планировалось предпринять шаги, направленные на создание предпосылок для вхождения России в систему глобальной и европейской безопасности. Действительно, вне этой системы, равно как и не занимая в ней достойного места, РФ объективно играла на международной арене роль дестабилизирующего фактора.

Однако реальные шаги в этом направлении явно не соответствовали декларациям Североатлантического блока, если не принимать во внимание робкие попытки нащупать точки соприкосновения позиций НАТО и России в нестабильных регионах Европы, в частности во время операции IFOR в Боснии и Герцеговине.

Власти ФРГ активно использовали миролюбивую риторику, доказывая, что вовлечение стран ЦВЕ в альянс уменьшает риски для РФ, ибо сокращает обширную зону нестабильности, возникшую в связи с распадом социалистического лагеря.

При этом германская дипломатия искусно оправдывала деятельность НАТО обвинением Кремля в нежелании признать национальные интересы стран ЦВЕ, стремящихся присоединиться к евро-атлантическим структурам для вхождения в зону безопасности. Более того, ФРГ стремилась играть на чувстве страха стран ЦВЕ перед малопредсказуемой Россией, транслируемом региональными лидерами.

На деле же немецкая сторона стремилась воспользоваться фактом расширения альянса в собственных интересах. Историки Б.Н. Морозов и П.А. Мясников справедливо писали: «Под политический шум, сопровождающий расширение НАТО на восток, Германия без программных заявлений, но последовательно и неотступно стала осуществлять быстрое экономическое продвижение в страны Восточной Европы» [2, с. 190].

Стратегическая мысль Германии удачно вписалась в новые руководящие документы Североатлантического альянса, с точки зрения которых альянс нуждался в превентивном управлении кризисными ситуациями. Решению данной задачи, согласно немецкой точке зрения, и был подчинен процесс открытия НАТО на восток.

Федеральный канцлер Г. Коль приветствовал подписание в мае 1997 г. «Основного акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности» между НАТО и РФ [3], назвав его событием, «открывающим новую эпоху в отношениях между Россией и западным миром». Обоюдновыгодный характер этого соглашения федеральный канцлер усматривал в следующем. С одной стороны, Москва впервые приобщалась к структурам трансатлантической и европейской безопасности, получая в образуемом Совете Россия – НАТО право голоса. С другой стороны, альянс приобретал легальный инструмент претворения в жизнь своей стратегии. К тому же Россия «имела лишь право голоса, а не вето», – подчеркивал Г. Коль [4]. Это гарантировало, что при голосовании по принципиальным вопросам Москва всегда окажется в меньшинстве.

Однако поддержать оптимистическую точку зрения федерального канцлера не представлялось возможным. Возникла парадоксальная ситуация: подписанные договоренности, казалось бы, должны были способствовать углублению отношений между НАТО и Россией, чего, однако, не произошло. Более того, обнаружился дрейф альянса в сторону ужесточения позиции и свертывания едва начавшегося диалога с Москвой, причем органы власти Германии способствовали нарастанию негативной тенденции. НАТО в целом и ФРГ в частности, не только перестали признавать за Россией право на военно-политические интересы в Европе, но и не собирались учитывать ее особое мнение в процессе разработки решений по расширению альянса. Даже факт пристального внимания со стороны Кремля за движением НАТО на восток вызывал негативную реакцию германских официальных лиц, к тому же признавших основы внешнеполитической линии Москвы «консервативно-националистическими», не соответствующими тенденциям глобального развития.

Россия неоднократно указывала блоку на растущую проблему формирования новых разделительных полос на континенте, однако диалог зашел в тупик. В Североатлантическом альянсе возобладала сила, не рассматривавшие Россию в качестве составной части европейского пространства безопасности, а напротив, видевшие в ней источник потенциальной угрозы для стабильности континента. В этих обвинениях особенно преуспели США, в частности государственный секретарь М. Олбрайт, допуская возможность возврата «угрозы из Евразии».

В отличие от Вашингтона, Берлин строил свою линию на идее, согласно которой Россия слишком ослаблена на обозримое время и не в состоянии проводить антизападную внешнюю политику, а остаточный риск ее военной агрессии поддается управлению со стороны Североатлантического блока.

К тому же германская дипломатия дала понять, что Россия – не единственная страна на постсоветском пространстве, привлекающая ее внимание. Интерес был проявлен к Украине, которую ФРГ считала ключевой страной в сфере обеспечения безопасности и стабильности региона ЦВЕ. Поэтому на официальном уровне неоднократно высказывалась заинтересованность Германии в поддержке курса реформ украинского президента Л. Кучмы и его линии по более тесному сотрудничеству с евроатлантическими структурами.

Называя расширение НАТО безусловным интересом Германии, ее власти жестко отметили всякую возможность переговоров с Россией по поводу перенесения восточного расширения. 12 мая 1998 г. министр иностранных дел ФРГ К. Кинкель заявил о том, что считает обсуждение этого вопроса излишним. «Центрально- и восточноевропейские страны должны твердо знать, что мы, немцы, являемся их надежными адвокатами при вступлении в евро-атлантические организации», – подчеркивал Кинкель [5].

Вопреки пожеланиям российского руководства 12 марта 1999 г. Венгрия, Чехия и Польша стали членами НАТО. Вследствие этого вступления граница альянса, про-

ходившая ранее по восточным рубежам ФРГ, отодвинулась на восток на 600 км. Из окраины Западной Европы как геополитического образования Германия превратилась в ее центр.

Итак, федеральное правительство оказалось в состоянии превратить расширение НАТО в важный инструмент проводника влияния собственной державы на региональном уровне. Действуя в духе политического реализма, ФРГ использовала ослабление позиций России для своего утверждения в странах ЦВЕ. При этом немецкая позиция претерпела эволюцию: от допущения сотрудничества с РФ в сфере обеспечения безопасности до игнорирования ее интересов в ходе расширения Североатлантического альянса на восток.

Библиографический список

1. Deutschlands neue Außenpolitik. Bd. 4: Institutionen und Ressourcen / Hrsg.: W.-D. Eberwein, K. Kaiser. München: Oldenbourg, 1998. 300 s.
2. Морозов, Б.Н., Мясников, П.А. ФРГ – США: шесть десятилетий экономического и политического взаимодействия. Н. Новгород: НГМА, 2010. 352 с.
3. «Die Grundakte über gegenseitige Beziehungen, Zusammenarbeit und Sicherheit» zwischen der NATO und der Russischen Föderation // Internationale Politik. 1997. Bd. 9. S. 76–84.
4. Rede von Bundeskanzler Helmut Kohl über Europa und Amerika als Partner in einer sich wandelnden Welt vor dem Chicago Council on Foreign Relations am 19. Juni 1997 in Chicago // Internationale Politik. 1998. № 2. URL: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 1998/ februar 1998/ documentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%201998/februar%201998/documentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009).
5. Interview des deutschen Außenministers, Klaus Kinkel, zur Forderung nach einer Verschiebung der EU-Osterweiterung mit dem Kölner Stadt-Anzeiger vom 12. Mai 1998 // Internationale Politik. 1998. № 6. URL: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/ jahrgang 1998/ juni 1998/documentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%201998/juni%201998/documentation.htm) (дата обращения: 30.07.2009).

*A.I. Egorov**

RUSSIAN FACTOR IN GERMANY'S DIPLOMATIC POSITION ON NATO ENLARGEMENT IN THE 1990-IES

This article analyzes the contradictions in the positions of Germany and Russia on NATO's eastward expansion. With the tools of diplomacy Germany has managed to secure a positive solution to this issue, thereby implementing its national interests. Revealed that the weakening of Moscow's influence has allowed Germany to embark on the actual ignoring Russia's interests in regional security.

Key words: Russia, Germany, NATO, the alliance's eastward expansion, security, stability zone, diplomacy, interests.

* *Egorov Alexander Igorevich* (dr.egoroff-al2012@yandex.ru), the Dept. of Social Sciences, Dzerzhinsk Polytechnic Institute, Dzerzhinsk, 606029, Russian Federation.